

УДК 82.111-31
doi 10.17072/2073-6681-2019-4-99-111

ЭДВАРДИАНСКИЙ КОД В АНГЛИЙСКОЙ ПРОЗЕ XXI ВЕКА

Вера Григорьевна Новикова

д. филол. н., профессор кафедры зарубежной литературы

Национальный исследовательский Нижегородский

государственный университет им. Н. И. Лобачевского.

603000, Россия, г. Нижний Новгород, просп. Гагарина, 23. wnovikova@mail.ru

SPIN-код: 2226-3171

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7398-3867>

ResearcherID: AAC-2494-2019

Статья поступила в редакцию 22.10.2019

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Новикова В. Г. Эдвардианский код в английской прозе XXI века // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2019. Т. 11, вып. 4. С. 99–111. doi 10.17072/2073-6681-2019-4-99-111

Please cite this article in English as:

Novikova V. G. Edvardianskiy kod v angliyskoy proze XXI veka [The Edwardian Code in English Prose of the 21st Century]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2019, vol. 11, issue 4, pp. 99–111. doi 10.17072/2073-6681-2019-4-99-111 (In Russ.)

Рассматриваются обращения современных англоязычных авторов к традициям эдвардианства. Первое десятилетие XX в. в Великобритании стало специфической эпохой, социокультурное состояние которой определялось стремлением преодоления викторианства как типа общественного сознания. Процесс преодоления повлиял и на литературный процесс. «Эдвардианский код» окончательно оформился в литературных произведениях межвоенных десятилетий (1920–1930-е гг.) и возродился в начале XXI в. Его основными элементами стали образ усадьбы, мотивы, связанные с движением искусств и ремесел, тема детства и связанные с ней темы английской сказки, пережившей свой «золотой век» в названный период, а также мотивы социального переустройства и обусловленные им проблемы. Все составляющие эдвардианского кода обнаруживаются в романе А. Байетт «Детская книга» (2009), действие в котором охватывает десятилетия с 1895 г. до конца Первой мировой войны. Это произведение представляет собой переплетение многих судеб, каждая из которых связана с конфликтом эпохи и общей атмосферой эдвардианского времени. Героев объединяет стремление к формулированию ясной цели своего существования и специфические качества личности, определяемые особенным артистизмом эпохи. «Эдвардианский код» обнаруживается в литературе нон-фикшн, в телевизионных проектах и в стремлении национального сознания к ценностным ориентирам эдвардианства в XXI в. В качестве характерного примера рассматривается книга Д. Николсон «Прекрасное лето: Англия, 1911 – перед штормом» (2008). Коммерческий успех романов, использующих элементы эдвардианского кода, свидетельствует о тяготении к нему массового читателя. Необходимое в этом коде целеполагание, его отчетливая аксиология позволяют рассматривать подобные произведения как свидетельство преодоления постмодернистского этического релятивизма. Делается предположение о формировании «неоэдвардианства» в современной культуре Великобритании.

Ключевые слова: эдвардианство; Антония Байетт; «Детская книга»; Движение Искусств и Ремесел; социальный идеал в английской литературе; неоэдвардианство.

Эдвардианством в английской истории принято называть первое десятилетие XX в., т. е. период правления короля Эдварда VII (1901–1910). Большинство историографических источников указывает, что эдвардианский период включает и последующие три года до начала Первой миро-

вой войны 1914 г. Названный исторический период оказался периодом экономического расцвета британской империи, характеризующимся увеличением продолжительности жизни, значительным приростом населения, постоянно возрастающими доходами и несомненным ростом

грамотности [McKitterick 2009: 56]. В это десятилетие наблюдается «устойчивое расширение британских привычек чтения», увеличение численности книг, изданных и сделавшихся доступными читателям, – через учреждение новых публичных библиотек, Образовательных Ассоциаций Рабочих и клубов книголюбив» [Nowell-Smith 1965: 40]. Эдвардианство – это яркая культурная эра, авторы которой были настроены покончить с влиянием викторианства; это поколение таких писателей, как А. Беннетт, Э. М. Форстер, Б. Поттер, Г. Уэллс, П. Вудхауз, а также тех, кого Уэллс назвал “the ring of foreign conspirators”: Г. Джеймс, Дж. Конрад, Ф. Хьюффер.

Создатели фундаментального исследования «Эдвардианское чувство: искусство, дизайн и спектакль в Британии, 1901–1910» (2010) справедливо утверждают, что «эдвардианская эра стала, возможно, наиболее мифологизируемым моментом в современной британской истории, отраженным в романах, фильмах и ностальгических мемуарах как последний вздох Старой Англии перед катаклизмом мировой войны» [The Edwardian Sense: Art, Design, and Performance in Britain, 1901–1910: 14].

Цель данной статьи – выявление эдвардианского кода в произведениях, созданных в начале XXI в. Под кодом в данном случае понимаются средства воплощения национальной и культурной памяти в произведении: художественные образы, темы и мотивы, означающие культурные смыслы и ценностное содержание конкретной исторической эпохи.

После Первой мировой войны эдвардианский период стал восприниматься как «золотой век спокойных летних дней», как миф об эдвардианском саде, о времени страны, танцующей на пути к войне, звуков газонокосилок, рэгтайма, гула пчел, пробок от шампанского. Первые художественные воплощения этот миф получает в 20–30-е гг. В романе В. Сэквилл-Уэст «Эдвардианцы» (“Edwardians”, 1930) читатель обнаруживает не только критический анализ эдвардианского социума. Это своего рода вариант романа воспитания, описывающий развитие центрального характера Себастьяна в пределах его социального мира, а именно английской аристократии начала XX столетия, приблизительно 1905–1910 гг. Это годы детства и юности самого автора (В. Сэквилл-Уэст: 1892–1962). В центре художественного мира романа – повседневная жизнь высшего сословия эдвардианской эры. Мирная атмосфера, ритуалы, такие как завтраки, переодевания к обеду, игра в карты, церемония рождественской елки, неукоснительное следование правилам, имеют высокую ценность для Себастьяна. В то же время Сэквилл-Уэст показывает различные

социальные и особенно гендерные ожидания в свете очевидной эмансипации, к которой уже оказались готовы некоторые персонажи романа.

Для восприятия эдвардианского периода как «золотого полдня» английской истории много сделал П. Вудхауз, начиная от первых рассказов и романов 1900-х гг. до серий произведений со сквозными персонажами: Дживсом и Вустером, Псмитом и др. Художественный мир его младшего современника, И. Во, во многом покоится в том же эдвардианстве независимо от того, какие конкретно годы действия им обозначены. Дух эдвардианства пронизывает и его произведения, в наибольшей мере – «Возвращение в Брайдсхед» (“Brideshead Revisited”, 1945).

Но существовала и иная точка зрения. В 1935 г. было издано исследование Д. Дангерфилда «Странная смерть либеральной Англии», в котором автор подверг сомнению уже господствовавшее тогда утверждение, что эдвардианский период был «золотым днем», временем «долгого послеобеденного летнего отдыха», так как, с его точки зрения, это был период, возможно, более драматичный, чем война 1914–1918 гг. Истинный либерализм убил себя к 1913 г., как утверждает Дангерфильд, так как погибла идея прогресса, война лишь закончила этот процесс [Dangerfield 1935: 28]. Д. Лоуренс в книге «Величие и падение Британской империи» (1994) рассуждает следующим образом: «Существует два взгляда на Эдвардианскую эру. Первый, романтический, берет своё начало в 1920-х годах, затем он укреплялся вплоть до послевоенных лет, когда эдвардианский период воспринимался как время покоя и процветания, предшествовавшее великим бурям, после которых Британия перестала быть первой из держав и потеряла большую часть своих колоний. Второй, критический, рассматривает социальное расслоение и классовые противоречия, существовавшие в эдвардианском обществе, а также указывает на активизировавшуюся конкуренцию других держав с Великобританией» [Lawrence 1994: 319].

После Второй мировой войны интерес к названной эпохе постепенно утрачивается. На первый план выходит викторианство, которое как мироощущение эдвардианцами воспринималось крайне критично и во многих областях настойчиво преодолевалось. «Викторианский бум» начинается в конце 60-х и не ослабевает в английской культуре до конца XX в. Повторяющийся десятилетиями вопрос исследователей «Почему викторианство?» в России задан впервые В. В. Ивашевой. Ответ прост: потому что есть потребность в идеальном образе бытия. В своей статье 1973 г. Ивашева пишет: «Причину возрождения викторианства надо искать в глубо-

кой неудовлетворенности очень многих англичан (причем всех возрастов) культурным климатом последних десятилетий, внутренним протестом против культа вседозволенности... Полное отсутствие каких-либо моральных устоев, оплевывание и осмеяние всего того, что веками, даже, пожалуй, тысячелетиями воспринималось как святое и неприкосновенное, утомляет не только интеллектуалов, но и... широкие круги английского общества, небесполезно добавить, воспитанного на пуританской этике» [Ивашева 1973: 90]. Художественный образ викторианской эпохи приобретает характер пасторали в произведениях. Британские писатели, стремясь смоделировать модель оптимального жизнеустройства, обращаются к образу жизни викторианцев, создавая тем самым новое воспоминание о «Золотом веке».

Сам термин «неовикторианство» использует в своей диссертации американская исследовательница Д. Шиллер в 1995 г. Неовикторианским она называет роман, имеющий своей целью художественное осмысление истории и представляющий собой совмещение викторианских и современных форм художественной условности. По мнению Шиллер, «хотя неовикторианский роман тесно связан с викторианской литературой тематикой, стилем и общим настроением, викторианство в нем подвергается тотальной ревизии, инструментами которой являются современные знания и ирония» [цит. по: Поваляева 2015: 5]. В начале XXI в. новые исследователи обнаруживают, что «мифологизированность понятия викторианства в сознании современного англичанина, идеализирующего его из чувства ностальгии, тоски по былому могуществу Великобритании и преклоняющегося перед его эстетическими достижениями, привела к тому, что викторианская литература стала огромным прецедентным текстом для творчества современных английских писателей» [Толстых 2008: 3]. Лучшие образцы неовикторианского романа последующих десятилетий позволяют О. А. Толстых сделать вывод о том, что «вся викторианская литература в романах современных английских писателей (П. Акройда, А. Байетт, Д. Лоджа, Г. Свифта, С. Уотерс) предстает как своеобразное сверхтекстовое единство. Викторианский роман становится неким архетипом и рассматривается уже как совокупность всего, что было написано о викторианстве» [Толстых 2008: 5]. Ю. С. Скороходько рассматривает неовикторианский роман как один из типов английского историографического метаромана и выделяет «старшее» поколение – романы, написанные до конца 1990-х гг., «историографические метароманы с элементами обращения к викторианской эпохе» (произведения П. Акройда и А. С. Байетт), и младшее поколение – романы, написанные в

конце 1990-х – 2000-х гг. и обращенные к викторианской эпохе, собственно неовикторианские романы (произведения Ч. Паллисер, С. Уотерс, М. Фейбер и других писателей) [Скороходько 2011: 55]. В целом, авторы исследований, посвященных рассматриваемому явлению, приходят к выводу о существовании интертекстуального диалога между викторианским текстом и произведениями английской литературы второй половины XX в. Он представляет собой «диалог-реконструкцию», т. е. «диалогическое взаимодействие выстраивается в виде заимствования, развития идей, согласия, подтверждения, подражания, вариации и стилизации» [Толстых 2008: 3]. Таким образом, неовикторианский роман хотя и стремился в определенной степени идеализировать имперское прошлое, однако сохранял определенную ироническую дистанцированность от него, не утрачивая до конца эдвардианского к нему отношения.

В 60–90-е гг. появляются лишь немногочисленные книги документального характера о Великобритании первого десятилетия XX в.: Ч. Петри «Эдвардианцы» (1965), Ф. Джулиан «Эдвард и эдвардианцы» (пер. с франц., 1967), Д. Б. Пристли «Эдвардианцы» (1970). Пристли показывает эту эпоху как время новых идей в науке и технике (теория относительности Эйнштейна была задумана в 1903 г., были изобретены радио и самолет) и время активных социальных дискуссий, радикальных изменений в политике и искусстве. Можно отметить также исследования, среди которых выделяются труды Д. Бачелора «Эдвардианские новеллисты» [Batchelor 1982], Б. Такман «Величественная башня: Европа перед катастрофой. 1890–1914» [Tuchman 1996].

В первое десятилетие XXI в. интерес к эдвардианству резко усилился и не утратился по сей день. Вышли в свет фундаментальные исследования Л. Дилэпа «Супервумен: Теории гендера и гениальности в эдвардианской Британии» (2004), А. Гэвина и А. Хамфри «Детство в эдвардианской литературе» (2009), «Эдвардианское чувство: искусство, дизайн, спектакль в эдвардианской Британии» (2010), восьмой том Кембриджской истории книг, посвященный названному периоду (2009) и, наконец, обширнейшее исследование Д. Уайльда «Литература 1900-х гг. Великая эдвардианская империя» (2018). Издаются справочные издания М. Блэка «Эдвардианская Британия: очень краткая история» (2012) и карманный справочник по Англии этого периода Е. Холланд (2013). Среди книг в жанре нон-фикшн можно особенно отметить «Идеальное лето: Англия 2011, перед штормом» (2008) Д. Николсон и «Биографию Эдвардианского века» (2005) Р. Хаттерсли.

В 2002 г. телевизионной корпорацией BBC был осуществлен проект реалити-шоу «Усадьба эдвардианской эпохи» (2002), а впоследствии создан и документальный фильм. Добровольцы попытались воссоздать жизнь семейства аристократов и их слуг в традиционной загородной резиденции эдвардианской эпохи, расположенной у границ Шотландии. Семья из пяти человек и 14 слуг поселились в «Мандерстоне», где «время повернулось вспять и жизнь потекла по законам безмятежного периода истории Великобритании, закончившегося с началом Первой мировой войны», – в формулировке авторов рекламы. Это шоу было частью большого проекта, включившего в себя «Викторианскую ферму – Рождество» (2003), «Колониальный Дом» (2004), «Рождественский пир эпохи Тюдоров» (2006) и др. В них принимали участие не только добровольцы, но и историки, археологи. По мнению изучавших этот проект ученых, при всех недостатках этого телевизионного действия «важен методологический принцип реалити-проектов «ожившей истории» – великие времена показаны через малых людей, через опыт организации повседневного пространства. В каком-то смысле телевидение принимает к исполнению идею «медленной истории», восходящую к школе анналов». В результате благодаря BBC «англичане получают матрицу для формирования национальной идентичности» [Корецкая, Савенкова 2010: 13].

Интересно наблюдение, сделанное обозревателем культурной жизни страны: «Для телезрителей Великобритании 2007 год прошел под знаком «эдвардианских сезонов» – так телеканал BBC назвал новый цикл ретроспективных передач. Художественные фильмы про королеву мюзик-холла Мэри Ллойд и капитана Скотта чередовались с документальными – о рождении скаутского движения, эдвардианском искусстве, литературе, быте» [Батлер 2008].

Очевидно, что не только мастерство кинематографистов и актеров определило большой успех шести сезонов телесериала «Аббатство Даунтон» (2010–2015), действие которого разворачивается в загородном поместье с 1912 по 1926 г. Именно повседневность жизни в идеальной усадьбе становится главной причиной успеха сериала. Автор идеи и сценарист Дж. Феллоуз эксплуатирует этот образ и в своих романах. Его произведения принадлежат к массовой литературе самого среднего уровня, но имеют коммерческий успех именно вследствие эксплуатации тех тем и образов, которые ассоциируются с лучшими этапами национальной истории, в первую очередь с эдвардианством.

Эдвардианство находит отражение во многих произведениях первых десятилетий нового века,

однако главным романом, несомненно, стала «Детская книга» (“Children’s Book”) Антонии Байетт, появившаяся в 2009 г. Среди других произведений, написанных признанным мастером, классиком современной английской литературы, следует отметить роман «Обладать» («Possession: A Romance»), изданный в 1990 г. и ставший признанным образцом неовикторианского романа. Это прекрасное свидетельство возможностей интертекстуального диалога, свойственного подобного рода литературе. Специфику викторианства автор раскрывает, используя совмещение нескольких временных пластов (собственно викторианского времени и современной эпохи), ряд переплетающихся сюжетных линий, великолепные стилизации произведений викторианских авторов и т. д. Обратившись через почти два десятилетия, уже в новом веке, к эдвардианству, А. Байетт использует возможности другой поэтики. Она создает масштабное эпическое произведение, в котором представлено сплетение судеб нескольких поколений целого ряда семей в один из самых драматичных периодов национальной и мировой истории, раскрыта «диалектика души» (в классическом смысле этого термина) ряда центральных героев, сделано с той же тонкостью психологического анализа раскрытие характера множества других персонажей, введен значительный ряд исторических реалий. Эта книга с полным основанием может быть названа «энциклопедией эдвардианской жизни» и явно тяготеет к жанру романа-эпопеи. В соответствии с задачей данного исследования обратимся к системе образов этого произведения.

Центральным художественным образом, ассоциирующимся с эдвардианской эпохой, становится усадьба. Причины этому отчетливо обозначены в исследовании Т. А. Склизковой, которая совершенно справедливо указала, что «сельская Англия изображается в национальной литературе как утопическая идеальная страна, Аркадия, в основе которой лежит пасторальный топос “locus amoenus” (приятное место). В английском национальном самосознании образ Аркадии проецируется на сельскую усадьбу, которая воспринимается как средоточие национальной жизни, организующее начало, объединяющее все сословия» [Склизкова 2012: 5]. В качестве образцов жанра «роман об усадьбе» Т. Склизкова называет произведения Г. Уэллса «Тонно-Бенге» (1909), Э. М. Форстера «Говардс Энд» (1910), И. Во «Пригоршня праха» и особенно «Возвращение в Брайдсхед» (1945). В ее же работе сформулирован жанровый канон, включающий в себя: «1. образ поместного дома, воплощающий упорядоченность бытия, в основе которой лежит сохранение национальных культурных ценностей и

социальной иерархии; 2. изображение идиллического мира природы, воплощенного в образе поместного парка/сада и имеющего семантику утраченного Рая; 3. противопоставление поместного мира модернизированному пространству города (Ада); 4. мотив упадка Англии-Аркадии; 5. мотив поиска утраченной гармонии, связанный с образом главного героя» [Склизкова 2012: 6].

Усадьба, как правило, описывается в летний период, в череде летних дней. В определении П. Парриндера, английская сельская местность является «сердцевиной национальной идентичности» (“heartland of national identity”). И он же полагает, что длинное эдвардианское лето в романах об усадьбе становится метафорой мирного и невинного времени. Лето и солнце являются двумя неотъемлемыми составляющими образа усадьбы [Parrinder 2008]. На это указывает и Даррингтон: эдвардианское десятилетие – последнее лето, летний полдень Англии. Символической в данном смысле становится интерлюдия «Последнее лето Форсайта» (1918) из цикла «Сага о Форсайтах» «великого эдвардианца» Джона Голсуорси. Интерлюдия написана в 1918 г., и это показательно потому, что формирование образа усадьбы как некоей Аркадии происходит не только в собственно эдвардианский период, но и позднее, сразу после Первой мировой войны и в 20–30-е гг. Таково место действия в романе В. Сэквелл-Уэст «Эдвардианцы», многочисленны усадьбы в романах П. Вудхауза, особенно ярким образ поместья в романе И. Во «Возвращение в Брайдсхед» (1945). Не только время написания современного романа об усадьбе, но и время его действия может быть связано не с первым десятилетием XX в., а с гораздо более поздним периодом. Образ усадьбы в любом случае остается метафорой счастливого, мирного времени, идиллической гармонии мира.

В романе А. Байетт «Детская книга» действие сосредоточено вокруг усадьбы Уэллвудов, названной ими “Todefright” («Жабья просека»). Для сына хозяев, Тома, она оставляет такое впечатление: “Todefright, woven through and through with the light from the woods and lawns, summer and winter, golden and frosty, and also woven through and through with the web of his mother’s stories, stories whose enamelled colours and inky shadows, hidden doors and flying beasts made the real Todefright seem briefly like a whited, plaster-cast sort of a place, a model of a home merely, which propped up the constant shape-shifting of the otherworld, whose entrance was underground” [Byatt 2009].

Сопоставление этого описания с тем, что видит герой романа «Эдвардианцы» Сэквелл-Уэст, позволяет утверждать явное сходство общей позитивной атмосферы этих усадеб, достигающееся

и за счет повторяющихся в обоих случаях художественных средств и благодаря открывающемуся с помощью этих средств смысла: “Arrived there, his surroundings supported him in the most approved fashion. A cloud of white pigeons wheeled above him in the blue sky. Acres of red-brown roof surrounded him, heraldic beasts carved in stone sitting at each corner of the gables. Across the great courtyard the flag floated red and blue and languid from a tower. Down in the garden, on a lawn of brilliant green, he could see the sprinkled figures of his mother’s guests, some sitting under the trees, some strolling about; he could hear their laughter and the tap of the croquet mallets. Round the garden spread the park; a herd of deer stood flicking with their short tails in the shade of the beeches. All this he could see from the free height of the roof. Immediately below him – very far below, it seemed – lay a small inner court, paved, with an immense bay tree growing against the grey wall...” [Sackville-West 1930].

Весьма интересно место действия в первой части романа Й. Макьюена «Искушение». Роман написан в 2001 г., и время его событий не относится к эдвардианскому периоду, но сходство ситуации и восприятия усадьбы в летний солнечный день несомненно: “Morning sunlight, or any light, could not conceal the ugliness of the Tallis home – barely forty years old, bright orange brick, squat, lead-paned baronial Gothic, to be condemned one day in an article by Pevsner, or one of his team, as a tragedy of wasted chances, and by a younger writer of the modern school as “charmless to a fault.” An Adam-style house had stood here until destroyed by fire in the late 1880s. What remained was the artificial lake and island with its two stone bridges supporting the driveway, and, by the water’s edge, a crumbling stuccoed temple” [McEwan 2001].

Все эти описания связывает совершенство домов, где обитают герои, где они ощущают саму возможность быть счастливыми, несмотря на критический пафос Себастьяна в «Эдвардианцах» или готовящуюся трагедию в «Искушении». В «Жабьей просеке» большое семейство Уэллвудов находится в атмосфере надежд, в творческом поиске, выполнении многочисленных ритуалов (они могут быть весьма незначительными, как, например, изготовление детьми множества фонариков для праздничного оформления сада), ощущении почти непрерывной, несмотря на проблемы, возникающие в их отношениях, радости бытия. Их соседи, гончар Фладд и его семья, обитают в значительно более скромном доме, они живут в нищете, а мать и одна из дочерей демонстрируют почти полную отрешенность от мира. Однако и здесь обнаруживается скрытая энергия жизни, источником которой является врожденный артистизм всех этих людей.

С усадьбой связана другая важнейшая часть системы знаков эдвардинского кода – отсылки к Движению Искусств и Ремесел. Специфика мироощущения эдвардианцев и их образ жизни немислим без того влияния, которое на англичан, живших на рубеже XIX–XX вв., оказала идеология и художественная практика Уильяма Морриса и его окружения. Под их влиянием стремление к оформлению своего бытия по законам искусства и восприятие самой своей судьбы как произведения искусства стало внутренней потребностью, мировоззренческой платформой, психологическим обоснованием жизни не только аристократов духа, «высоколобых» англичан, но, под их влиянием, и значительной части общества. Именно внутренний артистизм личности формирует новую аристократию, чаще всего независимо от социального происхождения. Сама способность понимать и чувствовать Красоту оказывается критерием оценки личности. Отсюда – внимание к процессу творческой деятельности. Согласно идеям Морриса, важно умение создавать нечто своими руками, определяющее стремление к экспериментированию в декоративных искусствах, живописи, скульптуре и театре.

В романе «Детская книга» подобного рода деятельностью занимаются многие персонажи. Среди центральных действующих лиц – Олив Уэллвуд, пишущая сказки (прототипом послужила одна из самых известных детских писательниц рубежа XIX–XX вв. и активный участник фабианского общества Э. Несбит); ее муж, публицист Хамфри Уэллвуд; гончар Бенедект Фладд; его дочь Имогена, занимающаяся изготовлением украшений; создатель кукол и кукольных спектаклей Штейнинг; Проспер Кейн, хранитель музейных коллекций, и др.

Описывая процессы творчества писательницы, гончара, режиссера автор каждый раз как бы создает отдельную оду творческому процессу. Так, гончарное дело показано во всех профессиональных деталях, которые сочетаются с подробнейшими описаниями результатов деятельности. Вазы, горшки, изразцы предстают как подлинные и совершенные произведения высокого искусства. В целом, именно гончарное дело в романе становится особенно яркой иллюстрацией идей Уильяма Морриса, рассматривающего подобные ремесла одновременно как отдельные виды искусства и как средство оформления подлинно красивого дома.

Отдельную ценность имеет описание мастерской Фладда, простого сооружения, украшенного круглыми витражными медальонами с «гривастого рогатого морского змея в кобальтовых волнах», и белого парусника, хаотично заполненного орудиями и продуктами искусства гон-

чара, «раба стихий», как он однажды назван в романе [Байетт 2012: 176]. Значительно расширяет понимание «Детской книги» образ Филиппа Уоррена, мальчика-художника, ставшего помощником Фладда. С ним связана вся линия романа, отсылающая к Движению Искусств и Ремесел. Она особенно важна для этого произведения, так как в нем автор передает неповторимую атмосферу артистизма эпохи.

Одним из способов сопротивления бездушию буржуазности Моррис видел в оформлении интерьеров, которые должны были отличаться от традиционных образцов и не иметь серийно выпускаемых предметов. Специфике декоративно-прикладного искусства в романе посвящена статья Н.С. Бочкаревой, которая справедливо отмечает, что «предметы церковного и домашнего ритуала не только составляют «часть живописного интерьера» (или «натюрморта»), но и являются объектами эстетической и идеологической рефлексии героев, поэтому обладают относительной самостоятельностью в художественном мире романа» [Бочкарева 2015: 107]. Принципиально важен для понимания функций кода Движения Искусств и Ремесел ее вывод о том, что «особенно значимы в романе принципы синтеза пространственных и временных искусств (в том числе театра), искусства и быта (в частности, одежды), искусства, магии и религии, характерные для рубежа XIX–XX вв. В связи с этим Байетт часто использует усложненный экфрасис (например, карандашные эскизы позолоченных фигур Глостерского канделябра, керамики и скульптуры; ваза, изображающая сцену оперы Вагнера), который сопровождается превращениями и зеркальными отражениями. Произведения декоративно-прикладного искусства становятся смысловым центром синтетического пространства усадьбы и музея» [Бочкарева 2015: 107].

Поэтому так значимо для понимания смысла атмосферы усадьбы то эстетическое наслаждение, которое испытывает героиня романа «Искупление» в своем доме: “the perfection of the scene – by the three faded Chesterfields grouped around the almost new Gothic fireplace in which stood a display of wintry sedge, by the unplayed, untuned harpsichord and the unused rosewood music stands, by the heavy velvet curtains, loosely restrained by an orange and blue tasseled rope, framing a partial view of cloudless sky and the yellow and gray mottled terrace where chamomile and feverfew grew between the paving cracks” [McEwan 2001].

Пространство усадьбы тоже подчиняется законам искусства. Его организация по принципам традиционного в национальной культуре «живописного» сада, фонтаны, статуи и другие детали

оформления также создают атмосферу красоты, способствующую свободе артистичных натур.

В романе Байетт составляющие усадеб, ставших местом действия, в совокупности иллюстрируют мысль о том, что движение ремесел становится частью национального сознания. В эссе Э. Стефенсона в сборнике работ, посвященных «эдвардианскому чувству», подчеркивается важнейшая роль визуальной культуры для стремительных культурных и даже исторических изменений – от быстрого совершенствования кино и фотографической прессы до экспериментирования в декоративных искусствах, живописи, скульптуре и театре» [The Edwardian Sense 2010: 262]. Участвующая в этом же издании М. О'Нил показывает, что уже к 1900 г. «движение Прикладного искусства стало английским национальным стилем, который транслировался и в другие европейские страны. Она полагает, что “artistic modernism” не просто вопрос стиля: эдвардианский художественный мир демонстрирует, что он, этот стиль, – продукт политики и общественных дебатов, так же как выставок и их доступности [ibid.: 6].

В романе Д. Мойес «Foreign Fruit» (2003, в рус. пер. Е. Коротнян «Вилла Аркадия») одним из сюжетобразующих центров становится вилла, названная Аркадией. Действие начинается в 1950-е гг., уже после Второй мировой войны. Однако по духу это все та же эдвардианская усадьба, только расположенная в маленьком курортном приморском городке. В ней собирается богемное общество, все члены которого артистичны, свободны от социальных условностей, открыты красоте окружающего мира. Одна из них, талантливая художница, создает большую фреску на стене террасы. Фреска, совершенно в духе эдвардианского искусства оформления пространства дома, становится символическим элементом, к которому сводятся основные сюжетные линии романа. Главная героиня, Лотти Свифт, воспитывающаяся в буржуазной среде и враждебная ей, обретает свою идентичность в общении с обитателями виллы и становится моделью для одной из фигур на фреске. Сила духа Лотти и в молодости, и в старости напрямую зависит от восприятия этой живописи и связанных с ней эмоций.

В одной из работ об эдвардианском искусстве есть удачно сформулированная мысль о некоем инстинкте (автор говорит о музыкальном, но можно расширить определение до эстетического в целом): «Все художественное выражение должно прибыть как удовольствие, выбивающаяся наверх внутренняя радость. Без этого искусство мертво, несвежая и безвкусная вещь, и ... у некоторых есть этот врожденный музыкальный

инстинкт, дремлющий и бездействующий в их природе, неспособной найти способ выразить самостоятельно. Смысл в том, что человеку чрезвычайно важно найти в себе этот инстинкт и тем самым обрести свое подлинное бытие» [Björkén-Nyberg 2015: 142]. Героине Д. Мойес удастся обрести это чувство. В этом случае речь идет не столько о высоких художественных достоинствах романа, сколько о присутствии в нем «эдвардианской чувствительности», которая и находит отклик в читателе.

Пожалуй, «внутренняя радость», присущая подобным персонажам и открывающаяся читателю именно в указанной атмосфере дома, которую они сами же создают, и становится поводом к созданию определенного клише, повторяющегося из романа в роман для многих современных британских писателей и приносящего им признание читателей и грандиозные тиражи. Таковы, например, героини абсолютного большинства романов Р. Пилчер 1980–90-х гг., от «Собирателей ракушек» (“The Shell Seekers”, 1987) до «Возвращения домой» (“Coming Home”, 1995).

Еще одной составляющей эдвардианского кода становится образ детства. В «эдвардианскую эру» радикально меняется представление о нем. Признавая открытия писателей-викторианцев в изображении детства и достижения всей викторианской эпохи в образовании, следует подчеркнуть, что культ ребенка наступает именно на рубеже веков. Детство в эдвардианский период было предметом глубокой озабоченности, восхищения и даже одержимости. Детство понимается как значительная, прекрасная и самостоятельная эпоха в жизни человека. Нигде это не было так очевидно, как в художественной литературе. Эдвардианские романы и рассказы были «сосредоточены на детях» в большей степени, чем их «предшественники». И таким образом была заложена большая не только национальная, но и европейская традиция. «Литературные» дети больше не были просто «начинающими взрослыми», но были существами, по-своему наделенными воображением, свободными и отличными от взрослых. В эдвардианский период впервые было широко признано, что дети имеют различные потребности, чувства и привычки мышления; что их нельзя воспитывать, заставлять работать или наказывать, как взрослых; у них есть права, отличные от взрослых. Подобное восприятие детства стало одной из форм сопротивления догматической культуре прошлого века. В романе «Детская книга» обнаруживается большое количество детских персонажей. Это дети семьи Уэллвуд: сыновья Том, Флориан, Робин, Гарри и дочери Дороти, Филлис, Гедда, у брата Хамфри Бэзила есть дочь Гризельда и сын

Чарльз-Карл. В действии принимают участие сын и дочери Фладда, дети Проспера Кейна, мальчик Филипп Уоррен и его сестра. Есть также представители другой страны, Германии, но они появляются как молодые люди, а не как подростки. Такое обилие персонажей позволяет автору всесторонне показать многие варианты воспитания, связи детства с социальной средой, формы образования и, может быть, главное – варианты семейной атмосферы в плане выявления прав ребенка на самостоятельный выбор своей судьбы. В центре – судьба Тома Уэллвуда. Он уже в раннем детстве и будучи подростком явно отличается от остальных и своей внешней привлекательностью, и умением находить наслаждение в окружении мира природы (очень в английском духе), и своими неординарными способностями. Однако именно этот ребенок, единственный из всех, не обретает будущего. “Tom was part of an idea she had had of an English family, the children running wild in safe woods, in dappled sunlight, the parents smilingly there, when they came home, scratched and breathless, from the Tree House and its simple secrets” [Vyatt 2009].

Осознавая невозможность желаемого, он совершает самоубийство. Байетт все время возвращается к мысли о том, что «взрослые» эдвардианцы стремились «к вечному детству». Это один из важнейших уровней смыслов в ее романе, подчеркивающий разницу между викторианством и эдвардианством. Викторианец стремится к своему будущему, взрослости, имеющей свои цели и смыслы. Для человека начала XX в. характерно как раз отсутствие больших смыслов существования, гораздо ближе стремление остаться в состоянии «вечной молодости». Нежелание Тома Уэллвуда взрослеть соотносится с образом Питера Пэна. И в этом плане понятно, почему “Peter Pan, or The Boy Who Wouldn't Grow Up” (главный персонаж пьесы 1904 г.) становится одним из символов эдвардианства.

Идеальное королевство детства – это не только мир реальных детей, но и мир их книг. Еще один знак кода эдвардианства – детские книги. Рубеж веков – золотой век сказок Р. Киплинга, Д. Макдональда, С. Моэма, Э. Фарджон, Э. Несбит и многих других авторов. В романе А. Байетт говорится о том, что появившаяся в 1889 г. «Синяя книга фей» Эндрю Ланга привела к тому, что «в детские сказки вдруг ворвалась настоящая магия, мифы, выдуманные создания и миры». Эта новизна предопределила обращение к писательскому ремеслу Олив Уэллвуд. Ее сказки стали смыслообразующим элементом поэтики романа.

Сказки – одна из форм и реализации, и возвращения творческого потенциала эдвардианской культуры. При этом мир детской книги был зна-

чительно шире этого жанра. В первом десятилетии XX в. британский народ мог оглянуться на достижения викторианской эпохи. Британия стала «мастерской мира»; она была в авангарде научно-технического прогресса; у нее была империя, «над которой никогда не заходило солнце», и мощный флот для ее защиты. Жители Британии были уверены в продолжении прогресса. В начале века Артур Ми и коллектив авторов приступили к колоссальному проекту по обеспечению детей всех возрастов первой книгой, предназначенной для удовлетворения их потребностей в знаниях. Эта детская энциклопедия впервые появилась в 50 выпусках, поступавших в продажу один раз в две недели между 1908 и 1910-м гг., объединенных впоследствии в восемь больших томов. В ней были разделы о науке, религии, обществе, империи. В 2008 г. была издана книга «Мир эдвардианского ребенка», которая представляет собой руководство, контекст и комментарий к Детской энциклопедии [Tracy 2008]. Появление такого издания – свидетельство того, что не только взрослые, но и дети обрели новое разнообразие книжных изданий. Они читали не только сказки, но и книги, тесно связанные с окружающими их социальными проблемами. Автор исследования литературы для подростков И. Шишкова находит, что «спрос на нравственно ориентированные художественные произведения дидактического характера, близкие интересам подростков и связанные с проблемами активного поиска своего “Я”, объяснялся не в последнюю очередь и тем, что “опасные темы” – классовое неравенство, суфражизм, эксплуатация детского труда и т. д. – хотя и не получали в них глубокой политико-социальной оценки, тем не менее не замалчивались и были представлены на суд детской читательской аудитории в несколько преобразованном и “сглаженном” виде» [Шишкова 2003: 4]. Ею обнаруживается и определенная «преемственность, проявляющаяся в стремлении современных авторов (Ж. Уилсон, К. Маккомби, С. Уэлфорд и др.) сохранить в своих произведениях те полезные составляющие из опыта прошлого, которые побуждают читательскую аудиторию к культурной рефлексии, способствующей дальнейшему всестороннему росту личности, а именно переосмыслению системы ценностей, норм и принципов, которыми руководствовались маленькие женщины конца XIX – начала XX в.» [там же].

Эти рассуждения заставляют нас вернуться к общему определению эдвардианства и вспомнить о том, что это эпоха дискуссий, социальных потрясений, радикальных изменений в представлениях о классах, их взаимоотношениях, о правах женщин и движении суфражисток за эти

права. Автор последнего на настоящий момент фундаментального исследования эпохи Уайльд сравнивает ее с гигантским торговым центром, в котором есть следующие отделы: Department of War and External Affairs: The Anglo-Boer War and Imperialism; Department of Administration: Office Clerks and Shop Assistants; Children's Department: Edwardian Children's Literature; Department of Decadence: Sex, Cars, and Money; Chapter Five Department of Internal Affairs: England and the Countryside [Wild 2018: 3]. Огромным достоинством романа «Детская книга» является то, что автору удается передать бурные взаимоотношения практически всех названных «отделов» эдвардианства. Действие романа охватывает десятилетия с 1895 г. до конца войны. Особенности исторического времени передаются с помощью целого комплекса средств, которые в совокупности насыщают текст романа обилием деталей.

Одним из приемов автора становятся перечисления. Вот пример: Уэллвуды «приглашали социалистов, анархистов, квакеров, фабианцев, художников, издателей, свободных мыслителей и писателей», которые жили «в перестроенных коттеджах и фермерских усадьбах, домах в стиле Движения искусств и ремесел, таунхаусах, построенных когда-то для рабочих, в деревнях, лесах и на полях Кентского Уилда, Северного и Южного Даунса» [Байетт 2003: 43]. В более широком смысле перечни пронизывают все пространство романа. В социальном плане это касается тех направлений, в которых действуют или хотели бы действовать персонажи.

Много говорится о фабианском обществе, к которому принадлежали и Уэллвуды (их дочь Дороти – ровесница этого общества), и, соответственно, множество фрагментов романа посвящено «фабианской атмосфере рациональной справедливости». Приводятся размышления Бетрисы Уэбб о растущем «классовом сознании греха» и У. Морриса о социализме. Рассказывается о русских анархистах, о реальном Степняке-Кравчинском и о вымышленном Василии Татаринове. Русская тема вообще здесь основательно представлена. (Она подробно проанализирована в статье Н. С. Бочкаревой [Бочкарева 2018: 48–54].) Доббин ставит целью служение гению, а мисс Дейс хочет посвятить лекции новому – «новой жизни, новой женщине, новым формам искусства и демократии и религии». Главное же в том, что все они «ставили своей целью изменение, полную перестройку человеческой природы»: “In 1884 the Fabian Society branched out of the Fellowship of the New Life”.

В этом переполненной событиями, лицами, идеями, ремеслами, театром, сказками и другими книгами художественном мире отражается то

самое противоречие эдвардианства, которое всегда занимало умы. С одной стороны, есть безусловное стремление сохранить старое, особенно когда оно так прекрасно, как раннее эдвардианство, в книге обозначенное как «Золотой век». В «Серебряном веке» есть такие слова: “Backwards and forwards, both. They looked back. They stared and glared backwards, in an intense, sometimes purposeful nostalgia for an imagined Golden Age. There were many things they wanted to go back to, to retrieve, to reinhabit. They wanted to go back to the earth, to the running rivers and full fields and cottage gardens and twining honeysuckle of Morris's Nowhere” [Byatt 2010]. Возможно, с этим чувством связано и стремление остаться в вечном эдвардианском детстве.

Но в то же время есть страстное желание участвовать в положительном изменении мира, чему хотят посвятить себя личности, выросшие в благословенной атмосфере свободного детства и умеющие чувствовать прекрасное. А. Байетт явно не идеализирует историческую эпоху. Это и невозможно, поскольку за Серебряным веком неотвратимо следует Свинцовый век, век войны. Однако она идеализирует своих героев в плане их потребности в осмысленных действиях, желании четко сформулировать цель своего существования.

Практически одновременно с романом «Детская книга» выходит в свет книга Д. Николсон, которая дает своему произведению характерное название: «Прекрасное лето: Англия, 1911 – перед штормом» (2008). Посвящена она славному английскому лету столетней давности, когда мир был на пороге необратимых перемен. Речь идет о конкретном лете 1911, аномально жарком и нетипичном для климата туманного Альбиона. Название “The Perfect Summer”, как мы уже знаем, повторяющаяся метафора по отношению к первому десятиетию прошлого века. Интересно, что эта написанная в жанре нон-фикшн книга с очевидностью обнаруживает то же, что и у Байетт, – стремление к ее максимальной насыщенности историей и атмосферой эпохи. Она посвящена тем изменениям, которые происходят не позднее, а именно в тот период. Промышленные забастовки по той причине, что заработная плата рабочих была отвратительной, минимальная обеспеченность работой, бедность и болезни, зарождение и оформление профсоюзного движения. В то же время хроника включает в себя предвкушение коронации, влюбленность Леонарда Вульфа в сестру Стивена, Вирджинию, в Ковент-Гардене готовятся к премьере «дягилевских балетов», а некоторые слуги продают сведения о своих хозяевах в американские газеты. Моды, журнальные публикации, танцы. Самое

впечатляющее в книге то, что в ней отчетливо изображена пропасть, которая резко разделяет богатых и бедных. Автор тщательно описывает смерти, которые произошли среди обездоленных в их убогих, похожих на печи жилищах, отмечает разрушительное воздействие жары на фермеров. И это все во время выставок, строительства музеев, поиска новых решений в интерьерах. В книге видно также стремление автора передать бурлящую жизнь Англии прошлого рубежа веков и обнаруживается также явное сочувствие к потребности большей части эдвардианцев к обозначиванию цели существования.

Такое же стремление обнаруживается и в тех произведениях, которые следует отнести скорее к общему литературному потоку, массовой литературе. Характерно, что одной из повторяющихся является тема движения суфражисток как одного из самых ярких явлений социальной жизни начала XX в. Она варьируется от простого упоминания до использования в качестве сюжетобразующего фактора. Подтверждением тому, что эта тема стала одним из успешных клише, стала, например, трилогия «Аббатство Саммерсет» американской писательницы Т. Браун.

Таким образом, пристрастие англичан к эдвардианской эпохе традиционно связано с ностальгией, воспоминаниями об утраченном счастье предвоенного мира. Соответственно, топосом современной прозы Великобритании становится образ усадьбы. Он используется в романах действительно высокого художественного уровня («Детская книга», «Искушение»), но и бесконечно тиражируется в массовой литературе. В конструкции данного клише характерно также непереносное использование образа художника, артистической психологии центральных героев, их стремления оформить свою жизнь по законам искусства, все в духе эдвардианства. Подобный, ставший стереотипным образ бытия гарантирует успех у читателя, и подобные произведения имеют безусловный коммерческий успех, как упомянутые романы Д. Мойес или Р. Пилчер.

Однако такого рода клише не появляются случайно, они свидетельствуют об определенных тенденциях национального общественного самосознания. Авторы объемного труда «Жизнь усадебного мифа: утраченный и обретенный рай», посвященного русской усадебной культуре, используют термин «пассеизм» и цитируют Г. Адамовича, так сформулировавшего «витавшее в воздухе Серебряного века значение» этого слова: «Не культ прошлого и не любовь к старине, а попытка жить в прошлом, страстное предпочтение прошлого настоящему, с юлиановским, то явным, то скрытым стремлением его

воскресить» [Дмитриева, Купцова 2008: 300]. Нечто пассеистическое мы наблюдаем и в английской литературе на протяжении всего XX в., а также сегодня. Это относится с тем же основанием и к викторианству. Возможно, к этому основанию относится и то, что обнаруживает исследователь в творчестве еще одного эдвардианца: «Главная заслуга Честертона в том, что он всегда видел жизнь и показывал ее другим как светлую, славную, дивную повесть» [Васильева 2000: 4]. При этом неовикторианство не столько культивирует «славную повесть» или романтизацию повседневной жизни, сколько травестирует, пародирует, переиначивает прошлое. Надежды обрести утопию, столь свойственные 1960-м гг., не оправдались. Во-первых, все-таки слишком многое в викторианстве было осмыслено и отвергнуто и интеллектуалами, и широкими массами еще в начале столетия. Во-вторых, последние три десятилетия XX в. даже и для Великобритании, заметно меньше, чем Франции или США, подверженной деконструктивным тенденциям, отмечены «постмодернистской чувствительностью». Игра в викторианство остается в пределах постмодернистского мышления, которое основано на недоверии к «великим метанарративам» и, соответственно, к высоким целям существования.

С нашей точки зрения, активное обращение к эдвардианству обусловлено тем, что так отчетливо показала А. Байетт. Это стремление обозначить цели своей жизни. Эдвардианство при всей своей гедонистичности и внешней беззаботности оставило для потомков стремление к осмысленному существованию и умение найти его вне догм викторианского сознания. Возможно, в этом наследии появилась потребность в первом десятилетии XXI в., что и вызвало к жизни то, что можно назвать «неоэдвардианством».

Список литературы

- Байетт А. С. Детская книга / пер. с англ. Т. П. Боровиковой. М.: Иностранка, 2012. 832 с.
- Батлер О. Эдвардианское настроение // Газета. 22.02.2008. URL: http://www.ng.ru/ant-rakt/2008-02-22/13_britain.html (дата обращения: 10.10.2019).
- Бочкарева Н. С. Реминисценции русской культуры в романе А. С. Байетт «Детская книга» // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2018. № 4. С. 48–54.
- Бочкарева Н. С. Экфрасис произведений декоративно-прикладного искусства в романе А. С. Байетт «Детская книга» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2015. Вып. 3(31). С. 105–122.

Васильева Е. В. Художественный мир романов Г. К. Честертон: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж. 2000. 24 с.

Дмитриева Е. Е., Купцова О. Н. Жизнь усладебного мифа: утраченный и обретенный рай. М.: ОГИ, 2008. 528 с.

Ивашева В. Почему викторианцы? // Вопросы литературы. 1973. № 6. С. 76–92.

Корецкая М. А., Савенкова Е. В. Габитус и субъективность: опыт живой истории в телепроекте «Усадьба эдвардианской эпохи» // Вестник Самарской гуманитарной академии. 2011. № 2(10). С. 13–37.

Поваляева Н. С. Образ мюзик-холла в неовикторианском романе. Минск: Четыре четверти, 2015. 100 с.

Склизкова Т. А. Образ Аркадии в английском романе XX века.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Владимир, 2012. 24 с.

Скороходько Ю. С. Эволюция английского неовикторианского романа // Культура народов Причерноморья. 2011. № 206. С. 55–57.

Толстых О. А. Английский постмодернистский роман конца XX века и викторианская литература: интертекстуальный диалог (на материале романов А. С. Байетт и Д. Лоджа): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2008. 24 с.

Шишкова И. А. Национальная ментальность в английской художественной литературе для подростков: конец XIX–XX вв.: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2003. 50 с.

Batchelor J. *The Edwardian Novelists*. St. Martin's Press, 1982. 251 p.

Björkén-Nyberg C. *The Player Piano and the Edwardian Novel*. Farnham: Ashgate, 2015. 222 p.

Black M. *Edwardian Britain: A Very Brief History* Kindle Edition. 2012. 44 p.

Byatt A.S. *Children's Book*. Knopf. 2009. 688 p. URL: https://royallib.com/read/Byatt_AS/the_childrens_book.html#0 (дата обращения: 10.10.2019).

Gavin A. E., Humphries A. F. (eds) *Childhood in Edwardian Fiction*. London: Palgrave Macmillan, 236 p.

Dangerfield G. *The Strange Death of Liberal England*. 1935 (repr.). N. Y., 1980. 366 p.

The Edwardian Sense: Art, Design, and Performance in Britain, 1901–1910. ed. by Morna O'Neill, Michael Hatt. New Haven: Yale University Press, 2010. 336 p.

Hattersley R. *The Edwardians: Biography of the Edwardian Age*. St. Martin's Press, 2005. 528 p.

Holland E. *Pocket Guide to Edwardian England*. Create Space Independent Publishing Platform, 2013. 146 p.

McEwan J. *Atonement*. Vintage; New Ed edition. 2002. 384 p. URL: <http://www.ianmcewan.com/books/atonement.html> (дата обращения: 10.10.2019).

McKitterick D. *The Cambridge History of the Book in Britain*. Vol. VI. 1830–1914. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 808 p.

Lawrence J. *The Rise and Fall of the British Empire*. Little, Brown and Company. 1994. 774 p.

Nicolson J. *The Perfect Summer: England 1911, Just Before the Storm*. Grove Press, 2008. 290 p.

Nowell-Smith S. *Edwardian England 1901–1914*. Oxford: Oxford University Press, 1965. 716 p.

Parrinder P. *Nation and novel. The English Novel from its Origins to the Present Day*. Oxford, 2008. 512 p.

Tracy M. *The World of the Edwardian Child: As seen in Arthur Mee's "Children's Encyclopedia"*. Hermitage, 2008. 249 p. URL: <https://www.british-empire.co.uk/library/edwardianchild.htm>. (дата обращения: 10.10.2019).

Tuchman B. *The Proud Tower: A Portrait of the World Before the War, 1890–1914*. Grove Press, 1996. 290 p.

Sackville-West V. *The Edwardians*. 2nd Impression edition. The Hogarth Press. 1930. URL: <https://readanybook.com/ebook/the-edwardians-638-149> (дата обращения: 10.10.2019).

Wild J. *Literature of the 1900s. The Great Edwardian Emporium. The Edinburgh History of Twentieth-Century Literature in Britain*. 2018. 224 p.

References

Byatt A. S. *Detskaya kniga* [The Children's Book]. Transl. from Eng. by T. P. Borovikova. Moscow, Inostranka Publ., 2012. 832 p. (In Russ.)

Batler O. *Edvardianskoe nastroyenie* [Edwardian mood]. *NG Antrakt*. 22 August 2008. Available at: http://www.ng.ru/antrakt/2008-02-22/13_britain.html (accessed 10.10.2019). (In Russ.)

Bochkareva N. S. *Reministsentsii russkoy kul'tury v romane A. S. Byatt 'Detskaya kniga'* [Reminiscences of Russian culture in A. S. Byatt's novel 'The Children's Book']. *Vestnik Baltiiskogo Federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Ser. Filologiya, pedagogika, psikhologiya*. [IKBFU's Vestnik. Ser. Philology, Pedagogy, and Psychology], 2018, issue 4, pp. 48–54. (In Russ.)

Bochkareva N. S. *Ekfrasis proizvedeniy dekorativno-prikladnogo iskusstva v romane A. S. Byatt 'Detskaya kniga'* [Ekphrasis of arts and crafts in A. S. Byatt's novel 'The Children's Book']. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2015, issue 3(31), pp. 105–122. (In Russ.)

Vasil'eva E. V. *Khudozhestvennyy mir romanov G. K. Chestertona. Avtoreferat diss. ... kand. filol. nauk* [The fiction world of novels by G. K. Chesterton. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Voronezh, 2000. 24 p. (In Russ.)

Dmitrieva E. E., Kuptsova O. N. *Zhizn' usadbenogo mifa: utrachennoy i obretennyy ray* [Life of the manor myth: Paradise lost and found]. Moscow, United Humanitarian Publishers, 2008. 528 p. (In Russ.)

Ivasheva V. Pochemu viktorianty? [Why the Victorians?]. *Voprosy literatury*, 1973, issue 6, pp. 76–92. (In Russ.)

Koretskaya M. A., Savenkova E. V. *Gabitus i sub"ektivnost': opyt zhivoy istorii v teleproekte 'Usad'ba edvardianskoy epokhi'* [Habitus and subjectivity: the experience of living history in reality series 'The Edwardian Country House']. *Vestnik Samarskoi gumanitarnoi akademii* [The Bulletin of the Samara Humanitarian Academy], 2011, issue 2(10), pp. 13–37. (In Russ.)

Povalyaeva N. S. *Obraz myuzik-kholla v neo-viktorianskom romane* [The image of a music-hall in the neo-Victorian novel]. Minsk, Four Quarters Publ., 2015. 100 p. (In Russ.)

Sklizkova T. A. *Obraz Arkadii v angliyskom romane 20 veka. Avtoreferat diss. ... kand. filol. nauk* [The image of Arcadia in the English novel of the 20th century. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Vladimir, 2012. 24 p. (In Russ.)

Skorokhod'ko Yu. S. Evolyutsiya angliyskogo neoviktorianskogo romana [The evolution of the English neo-Victorian novel]. *Cul'tura narodov Prichernomor'ya* [The culture of the Black sea peoples], 2011, issue 206, pp. 55–57. (In Russ.)

Tolstykh O. A. *Angliyskiy postmodernistskiy roman kontsa 20 veka i viktorianskaya literatura: intertekstual'nyy dialog (na materiale romanov A. Byatt i D. Lodge): Avtoreferat diss. ... kand. filol. nauk* [The English postmodern novel of the late 20th century and Victorian literature: intertextual dialogue (based on the novels by A. S. Byatt and D. Lodge). Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Ekaterinburg, 2008. 24 p. (In Russ.)

Shishkova I. A. *Natsional'naya mental'nost' v angliiskoy khudozhestvennoy literature dlya podrostkov: konets 19–20 vv. Avtoreferat diss. ... d-ra filol. nauk* [National mentality in English fiction literature for teenagers: the late 19th–20th centuries. Abstract of Dr. philol. sci. diss.]. Moscow, 2003. 50 p. (In Russ.)

Batchelor J. *The Edwardian Novelists*. St. Martin's Press, 1982. 251 p. (In Eng.)

Björkén-Nyberg C. *The Player Piano and the Edwardian Novel*. Farnham, Ashgate, 2015. 222 p. (In Eng.)

Black M. *Edwardian Britain: A Very Brief History*. Kindle Edition, 2012. 44 p. (In Eng.)

Byatt A. S. *The Children's Book*. London, Vintage Books, 2010. 617 p. Available at: https://royal-lib.com/read/Byatt_AS/the_childrens_book.html#0 (accessed 10.10.2019). (In Eng.)

Gavin A. E., Humphries A. F. (eds) *Childhood in Edwardian Fiction*. London, Palgrave Macmillan. 236 p. (In Eng.)

Dangerfield G. *The Strange Death of Liberal England*. 1935, repr., New York, 1980. 366 p. (In Eng.)

The Edwardian Sense: Art, Design, and Performance in Britain, 1901–1910. Ed. by Morna O'Neill, Michael Hatt. New Haven, Yale University Press. 2010. 336 p. (In Eng.)

Hattersley R. *The Edwardians: Biography of the Edwardian Age*. St. Martin's Press, 2005. 528 p. (In Eng.)

Holland E. *Pocket Guide to Edwardian England*. Create Space Independent Publishing Platform, 2013. 146 p. (In Eng.)

McEwan J. *Atonement*. Vintage. New Ed edition. 2002. 384 p. Available at: <http://www.ianmcewan.com/books/atonement.html> (accessed 10.10.2019).

McKitterick D. *The Cambridge History of the Book in Britain. Volume VI 1830–1914*. Cambridge, Cambridge University Press. 2009. 808 p. (In Eng.)

Lawrence J. *The Rise and Fall of the British Empire*. Little, Brown and Company. 1994. 774 p. (In Eng.)

Nicolson J. *The Perfect Summer: England 1911, Just Before the Storm*. Grove Press. 2008. 290 p. (In Eng.)

Nowell-Smith S. *Edwardian England 1901–1914*. Oxford, Oxford University Press, 1965. 716 p. (In Eng.)

Parrinder P. *Nation and novel. The English Novel from its Origins to the Present Day*. Oxford, 2008. 512 p. (In Eng.)

Tracy M. *The World of the Edwardian Child: As seen in Arthur Mee's 'Children's Encyclopedia'*. Available at: <https://www.britishempire.co.uk/library/edwardianchild.htm> (accessed 10.10.2019). (In Eng.)

Tuchman B. *The Proud Tower: A Portrait of the World Before the War, 1890–1914*. Grove Press, 1996. 290 p. (In Eng.)

Sackville-West V. *The Edwardians*. The Hogarth Press; 2nd Impression edition. 1930. Available at: <https://readanybook.com/ebook/the-edwardians-638-149>. (accessed 10.10.2019). (In Eng.)

Wild J. *Literature of the 1900s. The Great Edwardian Emporium*. The Edinburgh History of Twentieth-Century Literature in Britain. Edinburgh University Press, 2018. 224 p. (In Eng.)

THE EDWARDIAN CODE IN ENGLISH PROSE OF THE 21ST CENTURY

Vera G. Novikova

Professor in the Department of Foreign Literature

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

23, prospekt Gagarina, Nizhny Novgorod, 603000, Russian Federation. wnovikova@mail.ru

SPIN-code: 2226-3171

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7398-3867>

ResearcherID: AAC-2494-2019

Submitted 22.10.2019

The article considers the references of modern authors to the traditions of Edwardianism. This period can be characterized as a vibrant cultural era, with writers who were determined to break away from the stifling influence of preceding Victorian literature and provided the cultural foundation for the coming century. The 'Edwardian code' fully developed in literature of the interwar decades (1920s–1930s) and revived in the early 21st century. It includes such elements as the image of the manor house, the motifs of Arts & Crafts movement, the theme of childhood and associated themes of the English fairy tale, which went through its 'golden age' in the abovenamed period. The code also comprises motifs of social change and other related issues. All parts of the Edwardian code are found in A. Byatt's novel *Childhood's Book* (2009). The novel covers the period from 1895 to the end of the Great War. It represents a tangle of many fates, each of which is concerned with the conflicts of the era and the general atmosphere of the Edwardian time. The characters are united by the desire to formulate a clear goal of their existence and specific personal qualities determined by the artistry of the era. In the 21st century, the 'Edwardian code' is found in non-fiction literature, in TV series and in the aspiration of the national consciousness to the value orientations of Edwardianism. A typical example is J. Nicolson's *The Perfect Summer: England 1911, Just Before the Storm* (2008). *The Perfect Summer* chronicles a glorious English summer a century ago, when the world was on the cusp of irrevocable change. Through the tight lens of four months, Juliet Nicolson's rich storytelling gift rivets us with the sights, colors, and feelings of the bygone era. This book is a vividly rendered glimpse of the twilight of the Edwardian era. The commercial success of the novels with the Edwardian code reflects the interest of the reading public to it. The goal-setting required in this code and its distinct axiology evidence the overcoming of postmodern moral relativism. The author of the paper makes an assumption about the formation of 'Neo-Edwardianism' in the modern culture of Great Britain.

Key words: Edwardianism; A. S. Byatt; *Children's Book*; Arts & Crafts; social ideal in English literature; Neo-Edwardianism.